

Сяомэ выскользнула в образовавшуюся брешь, бросив недоеденную миску. Ся Дунли не успел и глазом моргнуть, как овечка, набирая скорость, вылетела к двери, оттолкнулась и с грацией, достойной чемпиона по барьерному бегу, перемахнула через установленный в проёме загончик... И благополучно приземлилась во дворе. Белоснежная Сяомэ — прямо в грязь, на раскисшую после дождя землю.

Лицо Ся Дунли мгновенно перекошило. Если бы кто-то спросил его, каково это — воочию наблюдать, как твой чистенький любимец валяется в луже, он ответил бы: хуже не бывает. Разве что... когда ты понимаешь, что переднего уже не догнать, мысленно смиряешься с неизбежной помывкой, а тут оборачиваешься и видишь, что второпях выскочил и не закрыл загородку, и остальные мохнатые бездельники, только что дремавшие в углу, тоже высыпали наружу и теперь беснуются.

Ся Дунли сидел на низкой скамеечке, глядя на бурлящий двор с каменным лицом. Дами, гоняясь за Сяомэ, носился по свежевспаханному и политому дождём участку, и их белые шубки уже не напоминали прежние. Сяокан-поросёнок — тот, понятно, в беготню не ввязывался, он в одиночестве катался по грязи, облепляя себя слоем месива и довольно похрюкивая. Сяоми, как перепел, не любил мочить перья и вообще бы не вышел, но после дождя черви повылезали из земли на поверхность. Разведение червей в хозяйстве Ся Дунли пока не достигло промышленных масштабов, их выдавали строго по норме. А тут — настоящий шведский стол, сколько душе угодно. Разве мог Сяоми устоять? Он тоже выбрался из дома.

Дело сделано... переживать бесполезно, надо готовиться к уборке. Это он понимал. Но когда Ся Дунли побежал включать водонагреватель, его накрыло ощущение, что силы уже иссякли. Впереди — помывка и сушка бордер-колли, ягнёнка и поросёнка. Он тяжело вздохнул, потряс рукой — ещё ничего не делал, а в локте уже заныло. Поглядев на нагреватель, который ещё грел, он прищурился и решил дать мелким ещё немного порезвиться — пусть наслаждаются закатным солнышком, потом-то никому не уйти.

Раз уж всё равно ждать, Ся Дунли взялся за рассаду, которую держал в доме: решил вынести её на воздух, дать привыкнуть к уличным условиям перед высадкой. В огородничестве он был новичком, поэтому не рисковал брать капризные сорта — выбрал самые живучие: помидоры и огурцы. Но первый опыт всегда заставляет перестраховываться: хоть продавщица и твердила, что эти растения хоть в поле кидай — вырастут, Ся Дунли ухаживал за ними трепетно, и каждый засохший листочек принимал близко к сердцу. Раньше ящики с рассадой стояли в домике, днём он открывал окно, но микроклимат в помещении и на улице всё же разный, к тому же весенняя погода капризна, поэтому он решил на время оставить саженцы в горшках.

Он присел на корточки, аккуратно расставляя горшочки с овощами на стеллаже, как вдруг сзади на него обрушился мощный толчок. От неожиданности он всей тяжестью повалился прямо на хрупкие ростки. Больно! Ся Дунли скрипнул зубами — острая боль прострелила в ягодице. Первым делом он прислушался к пояснице: слава богу, спина, самая надёжная часть его тела, никаких тревожных сигналов не подала — значит, не повредил. Он упёрся рукой в землю, стараясь съехать в сторону и не раздавить горшки окончательно, и в тот миг, когда уже почти завалился набок, краем глаза заметил подпрыгивающую Сяомэ. По её восторженному виду он мгновенно понял, кто виновник. Овечка улучила момент, когда он нагнулся, и боднула его. Ся Дунли окинул взглядом разгром, потом свои грязные джинсы и скривился в злобещей усмешке.

Сяомэ, не подозревая о своей участи, всё ещё радовалась удачной шалости, но недолго ей было веселиться: в следующий миг её внезапно прижали к земле, острая боль пронзила ухо, и она испуганно заблеяла: «Бе-е-е!» — отродясь не знавшая боли, овечка заметалась, но её крепко

держали, а над ухом раздалось низкое рычание.

«Бе-е?» — за что меня? Узнав в обидчике любимого друга, Сяомэ обиделась до слёз.

«У-у-уф! Гав!» — Дами не ответил, лишь ослабил хватку, отступил на шаг и зарычал, давая ей подняться. Но едва Сяомэ встала на ноги, как он снова рванул вперёд и опрокинул её.

«Бе-е!» — перепачканная овечка рассердилась не на шутку, предупреждающе заблеяла, но её опять отпустили. На этот раз она изготавилась, притопнула копытцем, опустила голову, готовая к атаке.

Карие глаза Дами, обычно мягкие и добрые, потемнели и стали глубокими, как омут. Он отступил, потом внезапно рванул к овце, но когда она уже наклонила голову, чтобы поддеть его рожками, резко вильнул в сторону и с разворота толкнул её плечом, отправив Сяомэ в полёт. Удар был сильным — овечка приземлилась тяжело и не сразу смогла встать. Ся Дунли вскочил, прихрамывая, бросился разнимать драчунов, но в этот миг Дами, не унимаясь, подскочил к ней и схватил за шею. Холодный пот прошиб Ся Дунли. Всё случилось слишком быстро, он успел только выкрикнуть:

— Дами! Стой!

Крикнул он, но в душе не питал надежды — уже приготовился увидеть кровь. Дами в детстве был слишком шустрым, и его отдавали на курсы дрессировки, там он и выучил команды. Но с тех пор прошло много времени, и Ся Дунли не был уверен, что пёс помнит команду, да и если помнит — послушается ли в такой момент.

Собаки — потомки волков, в них всё равно теплится хищная искра. Бордер-колли — пастушьи собаки, их работа — охранять и направлять стадо, к людям они относятся дружелюбно и умны, но к другим видам могут быть не столь добры. В степи их противники — волки, лисы, орлы-стервятники, и ни один из них не прост. Хотя колли редко вступают в прямую схватку, это не значит, что они слабы. Челюсти, способные перекусить проволочную сетку, — не шутка. Сяомэ ещё малышка, её шерсть — не защита, если Дами решит вцепиться по-настоящему, хватит одного укуса.

В голове Ся Дунли уже лихорадочно проносились мысли: если «вдруг» случится, как он переживёт это, — но в следующее мгновение произошло неожиданное: Дами действительно разжал зубы. Мало того, он по-джентльменски отступил на два шага и уселся рядом с Сяомэ. Ся Дунли заметил, что пёс смотрит не на него, а пристально следит за овцой. Он замер, заинтригованный: что же задумал его пёс?

Сяомэ мелко дрожала, с трудом приподнялась и села, она была явно напугана, в глазах блеснул страх, а сама сжалась в пушистый комок. Дами издал низкий горловой звук — и, словно поняв его, овечка медленно выпрямилась и, часто переступая, подошла к нему, а затем он повёл её к хозяину.

«Бе-е...» — просипела она и ткнулась почти неразличимой в грязи головой в штанину Ся Дунли.

«Гав, гав-гав, гав!» — снова залился лаем Дами, и овечка мгновенно отпрянула за его спину. Ся Дунли увидел, как его пёс поднял морду — красивая, чумахая от грязи, но в миндалевидных глазах светилась серьёзность. Это Дами извинялся за то, что не уберёг хозяина.

<http://bllate.org/book/18144/1757427>